

Нет на прорву карантина...

В. Маяковский
Из поэмы “Во весь голос”

Дорогие читатели!

Размышляю над нынешним литературным процессом в целом и вступительным словом к данному разделу — и становится горько, поскольку вижу практически полную потерю чувства иерархии в литературе у большинства современных литераторов, а также отсутствие у некоторых авторов самоуважения как такового (не путать с самовосхвалением!). В такой ситуации неудивительно, что иные стихослагатели, поверив в свою литературную состоятельность и даже гениальность, почувствовав крылья за спиной, начинают... стоп! — не летать, как можно было бы предположить, а, ничтоже сумняшеся, каркать!.. Причём каркать на всё и вся, кто посмеет обратить их сиятельное внимание на изъяны в их строчках. Воистину: “одних узнаёшь по полёту, а других — по помёту”.

Поначалу, меня, балованную стихами прекрасных русских поэтов Евгения Семичева, Евгения Чепурных, Дианы Кан, Михаила Анищенко — моих земляков по рождению, — а некоторые из них (Семичев и Кан) были моими творческими учителями, — это удручало. Как так? Вести себя подобным образом стыдно, если вспомнить судьбы больших поэтов. Поэтов, которые были, есть и, хотелось бы верить, ещё будут... А виршеплётам ничего не стыдно. Не стыдно ни перед кем. Ведь нет сейчас ни Рубцова, ни Передреева, ни Тряпкина, ни Кузнецова, и значит, всё дозволено, и значит, как писала Новелла Матвеева, “всё едино”. Иные писатели поворчат, да и прустят. А читатели? Скажите на милость, зачем читателя погружать в болотную тину такого стихотворного слова? О какой снисходительности может идти речь, если продукция нынешних пиитов сыплется, как из рога изобилия? К тому же эти пииты, ко всему прочему, весьма агрессивны. Попробуй сказать им, что, мол, стихи не пойдут... Хлопот не оберёшься.

С другой стороны, наивно было бы полагать, что над редактором литературного отдела, пусть даже имеющим (к своему — кто-то обязательно съехидничает! — по литературным меркам столь «юному возрасту») немалый опыт творческой работы, нет “высших резолюций”. и директив... Раз имя и фамилия определены, то и стрелочник найдётся.

Но слово — не воробей, рифмованные перлы, попадающие в редакцию, копятя и копятя. Чего только стоят “Зелёные мамонты русских полей”! Автор называет так “лопухи, печально развесившие уши”. Или стихи о “клоуне, душе и лапше”, или такие строки, как: “Я такая женщина-женщина, // я такая русская-русская, // и если враг вставит мне в спину нож, // то увидит в глубокой ране // поля с трясогузками...”; или ещё: “Сердце в горле — бах да бух. // Здравствуй, прятный русский дух! // Мысль в башке — туда-сюда. // Затесь есть — да нет следа”. Откуда, с какого такого “Вилноя” приплыли эти “счастливые дети” на материк современной русской литературы? Каким муссонным ветром их сюда занесло?

Невесёлые эти размышления подтолкнули нас к возрождению как раз-таки весёлой рубрики, некогда существовавшей в нашем журнале. Хотя когда-то во многих литературных журналах существовало нечто подобное: в конце номера печатались самые курьёзные строки под названием, к примеру, “из поэтического самотёка”. В журнале “Наш современник”, когда заведовал отделом поэзии Юрий Поликарпович Кузнецов, похожая рубрика называлась “Парнас смеётся”. Здесь публиковались юмористические стихи и литературные байки... Справедливости ради нелишне упомянуть, что и в поэтическом самотёке иногда удаётся разглядеть такие золотые крупницы строк, авторы

которых потом становятся известными поэтами, как это произошло с Мариной Струковой.

Сплошь и рядом среди присылающих стихи в наш журнал встречаешься с людьми, о которых хочется сказать словами Белинского: "...Это человек, просто обманывающийся на счёт своего призвания... Как можно не понимать того, что творчество есть удел немногих избранных, а не всякого, кто только умеет читать и писать... Как же можно так смело и безбоязненно отдавать своё имя на позор..."

...А раздел "Парнас смеётся", видимо, назван был Кузнецовым созвучно своему стихотворению "Детское признание":

*На хворостине я въехал на гору Парнас,
Слышал Гомера, но тот оборвал свой рассказ.
Это молчанье стоит до сих пор на земле.
— Дать ему слово! — сказал чей-то голос во мгле.
Тут хворостина возьми и заржи — в ассонанс
Ей по ошибке откликнулся сонный Пегас.
— Скверное время, — поморщился Гёте и встал,
Взял хворостину и ею меня отстегал.*

Ну, а сейчас, как говорится, дадим слово талантам и поклонникам. А читателю пожелаем искренне улыбнуться, читая сие взыскательно и добродушно, поскольку декабрьский номер журнала завершает 2020 год, ставший для всех нас годом серьёзных испытаний на прочность человеческих, духовных и душевных сил.

Конечно, самые верные враги любого писателя — это его слабые строки, от которых, увы, никто не застрахован. Но всё же с надеждой на новое ободряющее время давайте попытаемся

*друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойной душою прощать
талантливость и бесталанность.*

Карина Сейдаметова